

**Обзоры практики Конституционного Суда Российской Федерации
в сфере антимонопольного законодательства
за период с 1992 по 2022 годы¹**

*Информационные справки подготовлены отделом обобщения судебной
практики и статистики Суда по интеллектуальным правам*

1. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2022 года.....	2
2. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2022 года.....	3
3. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за период с января 1992 года по июнь 2016 года	4

¹ В обзор включена практика лишь в части норм, применимых в делах, рассматриваемых в Суде по интеллектуальным правам. Обзоры за период со второго полугодия 2016 года по 2021 год не готовились в связи с отсутствием соответствующих актов Конституционного Суда Российской Федерации по указанной теме.

1. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2022 года

подготовлена 28.04.2023

Статьи 4, 14.8 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) признал соответствующим Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) положения пункта 9 статьи 4 и статьи 14.8 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) (*определение Конституционного Суда от 21.11.2022 № 3093-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат Конституции, поскольку исключают судебную защиту интересов хозяйствующих субъектов от недобросовестной конкуренции, если конкретная форма недобросовестной конкуренции не предусмотрена законом.

Конституционный Суд указал, что пункт 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции, закрепляющий понятие недобросовестной конкуренции, являясь элементом правового механизма, направленного на защиту конкурентной среды и гражданских прав хозяйствующих субъектов и основанного на конституционном запрете экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (часть 2 статьи 34 Конституции), сам по себе не может расцениваться в качестве нарушающего конституционные права заявителя.

Статья 18.1 Закона о защите конкуренции

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения пункта 1 части 1 и части 2 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда от 21.07.2022 № 1758-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции в той части, в какой они допускают по итогам рассмотрения жалобы принятие антимонопольным органом резолютивной части решения без ее оформления в письменной форме.

Конституционный Суд отметил, что пункт 1 части 1 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции определяет предмет жалоб, которые рассматриваются в соответствии с данной статьей, а часть 2 этой статьи устанавливает круг лиц, которые вправе подать такие жалобы. При этом они не регулируют процедуру рассмотрения соответствующих жалоб антимонопольным органом и порядок принятия решения по таким жалобам, а потому названные законоположения не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте.

2. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2022 года

подготовлена 28.11.2022

Статья 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статья 23 Закона о защите конкуренции

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения статьи 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), подпункта «к» пункта 2 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда от 24.02.2022 № 468-О*).

С точки зрения заявителя, оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции, поскольку не позволяют взыскивать с лиц, заключивших ограничивающее конкуренцию устное соглашение и привлеченных в связи с этим к административной ответственности, доход, полученный ими вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

Конституционный Суд ранее указывал, что государство вправе и обязано осуществлять в сфере экономических отношений контрольную функцию, которая по своей конституционно-правовой природе производна от его организующего и регулирующего воздействия на общественные отношения и присуща всем органам государственной власти в пределах закрепленной за ними компетенции (*определения Конституционного Суда от 03.04.2012 № 630-О, от 14.05.2015 № 1076-О, от 26.10.2017 № 2496-О, от 26.11.2018 № 3063-О и др.*).

Запрет экономической деятельности, направленной на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов, подразумевает возможность применения мер государственного воздействия в отношении лиц, нарушающих антимонопольное законодательство. Такой мерой воздействия является, в частности, административная ответственность, предусмотренная статьей 14.32 КоАП РФ, санкция которой определяет размер административного штрафа, исчисляемый исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение. Данное законоположение не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявителя, участвующего в деле о привлечении другого юридического лица к административной ответственности по части 4 статьи 14.32 КоАП РФ в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Для реализации конституционных целей государственной экономической политики и исходя из необходимости защиты прав и свобод лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, принят ряд федеральных законов, включая Закон о защите конкуренции. Подпункт «к» пункта 2 части 1 статьи 23 данного Закона предусматривает

полномочие антимонопольного органа выдавать хозяйствующим субъектам обязательные для исполнения предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

В постановлении от 17.02.2022 № 7-П Конституционный Суд, обращаясь к природе изъятия с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением законодательства о защите конкуренции, отметил, что данная мера предусмотрена федеральным законодателем в определенной степени как альтернатива мерам административной ответственности, о чем, в частности, свидетельствует положение части 3 статьи 51 Закона о защите конкуренции, в соответствии с которым лицо, которому выдано предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, не может быть привлечено к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, в отношении которого выдано данное предписание, если оно исполнено. Следовательно, оспариваемое положение Закона о защите конкуренции, носящее отсылочный характер и не определяющее условия выдачи такого предписания, также не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявителя, которому данное предписание не выдавалось.

3. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за период с января 1992 года по июнь 2016 года

подготовлена 24.03.2017

Статья 39 Закона о защите конкуренции

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции положение пункта 5 части 2 статьи 39 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2015 № 1076-О*).

Данное положение оспаривалось на том основании, что допускает безосновательное проведение антимонопольным органом нелимитированных по объему внеплановых выездных проверок без возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства и возможность истребования у проверяемой организации любых документов и материалов на основании неограниченного усмотрения правоприменительного органа.

Конституционный Суд указал, что результат проверки, при проведении которой выявлены признаки нарушения антимонопольного законодательства, является в силу пункта 5 части 2 статьи 39 Закона о защите конкуренции одним из оснований для возбуждения и рассмотрения антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства, в связи с чем проведение проверки может предшествовать

возбуждению дела о нарушении антимонопольного законодательства, хотя оно и не выступает в качестве обязательного предварительного этапа реализации антимонопольным органом функции по выявлению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства.

Предусмотрев возможность осуществления антимонопольным органом как плановых, так и внеплановых проверок, законодатель установил основания проведения внеплановых проверок как сходные с основаниями возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства, отнеся к ним, в частности, поступление из государственных органов, органов местного самоуправления материалов, указывающих на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства; заявление юридического или физического лица, сообщение средств массовой информации, указывающие на признаки нарушения антимонопольного законодательства; обнаружение антимонопольным органом признаков нарушения антимонопольного законодательства. При введении такой законодательной регламентации, оставляющей антимонопольному органу известную свободу усмотрения относительно необходимости проведения – для решения вопроса о возбуждении производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства – внеплановой проверки в связи со ставшими ему известными фактами, свидетельствующими о предполагаемом нарушении антимонопольного законодательства, законодатель учитывал специфику антимонопольной деятельности, включая объективную сложность, с которой может быть сопряжено выявление указанных нарушений, имеющих порой неочевидный характер.

Тем самым законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия по определению правового механизма осуществления в конкретных условиях задач по обеспечению и поддержанию конкурентных начал в национальной экономической системе, должен стремиться к достижению сбалансированности в реализации целей, связанных как с эффективной организацией антимонопольной деятельности, предполагающей использование лишь необходимых и достаточных мер контроля за соблюдением антимонопольного законодательства, так и с гарантированием прав хозяйствующих субъектов при решении вопросов, касающихся возбуждения производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Статья статьи 41.1 Закона о защите конкуренции, статьи 198 и 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения статьи 41.1 Закона о защите конкуренции, части 1 статьи 198 и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 № 937-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что препятствуют лицу, в отношении которого проводилось рассмотрение дела о нарушении антимонопольного законодательства, оспаривать в арбитражном суде решение антимонопольного органа о прекращении дела в связи с истечением срока давности и – при отсутствии в действиях этого лица состава антимонопольного нарушения – добиваться признания такого решения незаконным как вынесенного по ненадлежащему основанию.

Конституционный Суд указал, что из права каждого на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 Конституции, не следует возможность выбора гражданином, организацией по своему усмотрению той или иной процедуры судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции, федеральным законом (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24.11.2005 № 508-О, от 19.06.2007 № 389-О-О, от 15.04.2008 № 314-О-О и др.).

Из представленных материалов усматривается, что дело об оспаривании заявителем решения антимонопольного органа, в резолютивной части которого отсутствовали сведения об установлении факта нарушения антимонопольного законодательства, было рассмотрено арбитражными судами по существу. Судами был сделан вывод о том, что в оспоренном решении антимонопольного органа не установлено наличие нарушения антимонопольного законодательства, не содержится обязательного для исполнения предписания о совершении определенных действий, не приводятся факты о привлечении какого-либо лица к административной ответственности; данное решение не подлежало опубликованию для обозрения неопределенным кругом лиц.

Статья 10 Закона о защите конкуренции

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции положение части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.01.2015 № 185-О*).

Данное положение оспаривалось на том основании, что позволяет признавать не соответствующими требованиям антимонопольного законодательства действия хозяйствующих субъектов, прямо не указанные в названном законоположении, а часть 2 статьи 14.31 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за «недопущение, ограничение или устранение конкуренции» при отсутствии нормативно закреплённого значения данных понятий.

Конституционный Суд указал, что Закон о защите конкуренции, определяя организационные и правовые основы защиты конкуренции, устанавливает запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением (статья 10 Закона о защите конкуренции). Для этих целей в части 1 данной статьи называются наиболее распространенные виды злоупотреблений доминирующим положением,

результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции, а также ущемление интересов других лиц. При этом из содержания данной нормы следует, что в ней приведен лишь примерный общий перечень запрещенных действий, а соответственно, он носит открытый характер.

Это позволяет государственному органу квалифицировать и другие действия хозяйствующих субъектов как злоупотребление доминирующим положением на рынке. Однако такая юридическая оценка тех или иных действий должна осуществляться не произвольно, а в любом случае с учетом системного анализа правовых предписаний, содержащих элементы антимонопольного регулирования применительно к конкретным отраслям промышленности.

**Статьи 12, 22.1 и 23.1 Закона РСФСР 22.03.1991 № 948-1
«О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на
товарных рынках», статьи 23, 37 и 51 Закона о защите конкуренции**

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках) и статей 23, 37 и 51 Закона о защите конкуренции (*постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2009 № 11-П*).

Данные положения оспаривались на том основании, что в нарушение конституционных принципов справедливости, соразмерности, пропорциональности государственного принуждения характеру совершенного правонарушения, правовой определенности, верховенства права допускают выдачу антимонопольным органом предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, группе лиц без указания суммы, подлежащей перечислению в федеральный бюджет каждым лицом, входящим в эту группу, независимо от времени совершения или обнаружения правонарушения и без установления наличия вины каждого из входящих в нее лиц.

Конституционный Суд указал, что выдача антимонопольным органом предписания по основаниям и процедуре применения, а также по своим правовым последствиям является специфической формой принудительного воздействия на участников охраняемых антимонопольным законодательством общественных отношений. Она призвана обеспечивать восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсировать таким образом не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных

социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства.

Компенсаторный характер данной меры обуславливает возможность ее применения за совершение деяний, связанных с монополистической деятельностью и нарушением требований добросовестной конкуренции, параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер, что само по себе не затрагивает сферу действия общеправового принципа недопустимости повторного привлечения к ответственности за одно и то же деяние (*non bis in idem*).

Правовой механизм взыскания с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, должен основываться на конституционных принципах справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования вне зависимости от того, каким образом принадлежность этого механизма к конкретным отраслевым институтам может быть определена *de lege lata* и (или) *de lege ferenda*, т.е. в действующем или в будущем регулировании.

Относительно довода о возможности выдачи антимонопольным органом указанного предписания без установления наличия вины, Конституционный Суд указал, что поскольку в оспариваемых законоположениях не оговорено иное, то они не могут не предполагать, что отсутствие вины при нарушении антимонопольного законодательства является обстоятельством, исключающим взыскание с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие соответствующего нарушения, и что с антимонопольного органа не снимается обязанность установить вину субъекта предпринимательской деятельности как условие взимания незаконно полученного дохода в бюджет, так как федеральный законодатель его от этого прямо не освобождает.

Также Конституционный Суд отметил, что обременение в виде взыскания в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства группой хозяйствующих субъектов, возлагаемое на каждого из них, должно носить пропорциональный характер. Иное создавало бы предпосылки неравенства хозяйствующих субъектов, на которых возлагается такое обременение, поскольку приводило бы к тому, что получившие в результате нарушения разный доход, уплачивали бы одинаковые суммы. Соответственно, оспариваемые законоположения не могут рассматриваться как предполагающие возможность выдачи антимонопольным органом предписания о перечислении общей суммы дохода, полученного группой лиц, без указания суммы, которую обязан перечислить каждый из участвовавших в таком правонарушении хозяйствующих субъектов.

Таким образом, оспариваемые законоположения в их конституционно-правовом истолковании исходят из необходимости определения подлежащей взысканию суммы дохода персонально с каждого из этих субъектов пропорционально незаконно полученному.

Относительно довода о возможности выдачи антимонопольным органом предписания без учета института исковой давности, Конституционный Суд указал, что наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий.

Между тем оспариваемыми законоположениями вопрос о сроках давности привлечения к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства непосредственно не урегулирован. Однако, учитывая то обстоятельство, что принудительное взыскание суммы, подлежащей перечислению в бюджет в соответствии с рассматриваемыми законоположениями, осуществляется в исковом порядке, ограничение возможности такого взыскания пределами общего срока исковой давности, установленного гражданским законодательством, при отсутствии иного специально установленного применительно к данным правоотношениям срока согласуется с существующей системой правового регулирования и обеспечивает по крайней мере минимальные конституционные гарантии прав и законных интересов лиц, с которых взыскивается в бюджет полученный в результате нарушения антимонопольного законодательства доход².

**Статьи 4 и 10 Закона о конкуренции и ограничении
монополистической деятельности на товарных рынках, статьи 4 и 14
Закона о защите конкуренции, статья 10 Гражданского кодекса
Российской Федерации**

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения статьи 4, пункта 2 статьи 10 Закона о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках (в редакции Федерального закона от 09.10.2002 № 122-ФЗ), статьи 4, части 2 статьи 14 Закона о защите конкуренции и статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.04.2008 № 450-О-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что допускают применение содержащихся в них норм к правоотношениям по приобретению прав на товарные знаки, возникшим до их вступления в силу, а также

² Следует обратить внимание, что впоследствии норма о сроке давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства была отражена в статье 41.1 Закона о защите конкуренции, согласно которой дело о нарушении антимонопольного законодательства не может быть возбуждено и возбужденное дело подлежит прекращению по истечении трех лет со дня совершения нарушения антимонопольного законодательства, а при длительном нарушении антимонопольного законодательства – со дня окончания нарушения или его обнаружения.

допускают возможность признавать действия хозяйствующего субъекта по регистрации в установленном порядке товарного знака, представляющего собой широко применявшееся ранее в коммерческом обороте наименование, актом недобросовестной конкуренции и формой злоупотребления правом в случае отказа правообладателя заключить лицензионные договоры на право использования таких товарных знаков.

Конституционный Суд указал, что сами по себе оспариваемые положения как направленные на пресечение недобросовестной конкуренции, позволяющие признавать действия, в том числе связанные с регистрацией и (или) использованием известных советских товарных знаков, актом недобросовестной конкуренции с последующим рассмотрением федеральным патентным ведомством вопроса о полной или частичной недействительности регистрации средства индивидуализации продукции (выполнения работ, оказания услуг), не противоречат правовой природе товарного знака, не являются препятствием для реализации добросовестным правообладателем зарегистрированного товарного знака своего исключительного права использовать его любым не противоречащим закону способом, распоряжаться товарным знаком и разрешать или запрещать его использование другими лицами и ограничивают права хозяйствующих субъектов, закрепленные в части 3 статьи 17, части 1 статьи 19 и статье 34 Конституции, в той мере, в какой согласно части 3 статьи 55 Конституции это необходимо в целях защиты прав и законных интересов других лиц.

Статья 23 Закона о защите конкуренции

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции положение подпункта «а» пункта 6 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.04.2008 № 497-О-О*).

Данное положение оспаривалось на том основании, что предоставление права обращаться в арбитражный суд с заявлениями о признании недействующими либо недействительными полностью или частично противоречащих антимонопольному законодательству нормативных правовых актов или ненормативных актов органов и организаций лишь антимонопольному органу препятствует лицу, в отношении которого рассматривается дело о нарушении антимонопольного законодательства, самому оспорить в арбитражном суде нормативный правовой акт, противоречащий антимонопольному законодательству и затрагивающий его права и законные интересы в сфере осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, и тем самым нарушает его права, гарантируемые статьями 19, 46 и 47 Конституции.

Конституционный Суд указал, что само по себе разграничение компетенции различных судебных органов по рассмотрению данной категории дел в зависимости от субъекта обращения не может

рассматриваться как нарушающее конституционный принцип равенства всех перед законом и судом и право граждан на судебную защиту, поскольку оно осуществлено федеральным законодателем в рамках предоставленных ему полномочий по установлению конкретных способов и процедур такой защиты, при том что заявитель не лишен права на обращение в суд, к подведомственности которого отнесено рассмотрение соответствующих дел по заявлениям граждан. Фактически же перед Конституционным Судом ставится вопрос о расширении сферы действия статьи 23 Закона о защите конкуренции по кругу лиц, что является прерогативой федерального законодателя и в полномочия Конституционного Суда не входит³.

**Статья 10 Закона о защите конкуренции и ограничении
монополистической деятельности на товарных рынках,
статья 28 Закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-I
«О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест
происхождения товаров»**

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пунктов 2 и 3 статьи 10 Закона о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках (в редакции Федерального закона от 09.10.2002 № 122-ФЗ) и подпункта 4 пункта 1 и абзаца четвертого пункта 3 статьи 28 Закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон о товарных знаках) (в редакции Федерального закона от 11.12.2002 № 166-ФЗ) (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2007 № 370-О-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что допускают лишение правообладателя прав на объект интеллектуальной собственности не по решению суда, а на основании заявления юридического лица и решения антимонопольной службы, позволяют прекращать права на товарный знак полностью по всем видам товаров 5-го класса Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков, хотя недобросовестной конкуренцией были признаны его действия только в отношении одного вида товаров этого класса (лекарственные чаи), к тому же актом недобросовестной конкуренции была признана регистрация в качестве товарного знака народного названия растения, хотя такое основание к отказу в регистрации законодательством о товарных знаках не предусмотрено.

Конституционный Суд указал, что оспариваемые законоположения не являются препятствием для реализации им конституционного права на

³ При этом согласно правовой позиции, содержащейся в пункте 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», при применении положений подпункта «а» пункта 6 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции следует учитывать, что они не могут быть истолкованы как исключющие право иных лиц, кроме антимонопольных органов, обращаться в арбитражный суд с требованиями об оспаривании нормативных правовых актов, полностью или частично противоречащих антимонопольному законодательству.

судебную защиту его прав и свобод, поскольку решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Также Конституционный Суд отметил, что разрешение вопроса об обеспечении баланса прав и законных интересов всех заинтересованных участников конкретного дела – как правообладателя товарного знака, так и хозяйствующих субъектов, прежде него начавших выпуск продукции с аналогичным названием, – требует установления и исследования фактических обстоятельств дела, от чего Конституционный Суд воздерживается во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. Кроме того, Конституция, ее статьи 118, 125 и 126, не допускает подмену судопроизводства по гражданским, административным или уголовным делам конституционным судопроизводством, в том числе при решении вопроса о том, какой закон должен быть применен в случае, если имеется противоречивое законодательное регулирование.

**Статья 12 Закона о защите конкуренции и ограничении
монополистической деятельности на товарных рынках,
статья 23 Закона о защите конкуренции**

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения абзаца третьего статьи 12 Закона о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках и подпункта «а» пункта 3 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2000 № 237-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что полномочия антимонопольного органа по осуществлению фактического нормоконтроля и дачи федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления обязательных для исполнения предписаний об отмене или изменении принятых ими актов (без признания таких актов противоречащими Конституции и федеральным законам в судебном порядке) нарушают конституционные принципы разделения властей, самостоятельности осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации принадлежащих им полномочий, гарантии судебной защиты прав и свобод.

Конституционный Суд отметил, что указанные положения во взаимосвязи с другими нормами Закона о защите конкуренции в достаточно ясной и определенной форме устанавливает контрольные полномочия федеральных антимонопольных органов и не наделяет их какими-либо функциями органов судебной власти. Следовательно, основание, необходимое для проверки конституционности этого положения, предусмотренное статьей 36 Федерального конституционного закона

от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в данном случае отсутствует.

В рамках рассмотрения иных жалоб, направленных на оспаривание конституционности положений Закона о защите конкуренции относительно полномочий антимонопольного органа, Конституционный Суд обращал внимание на следующее.

Наделение антимонопольного органа наряду с полномочием по выдаче предписаний об отмене или изменении актов, нарушающих антимонопольное законодательство, правом обращения в арбитражный суд с исками, заявлениями о признании недействующими либо недействительными полностью или частично таких актов позволяет антимонопольному органу в каждом конкретном случае нарушения антимонопольного законодательства актами органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и иных указанных в законе органов и организаций избрать наиболее оптимальный способ реагирования на такие акты, принимая во внимание степень (масштаб) их влияния на участников экономических отношений, характер возможных последствий и другие обстоятельства.

Таким образом, оспариваемое положение в системе действующего правового регулирования направлено на защиту конкурентной среды, гражданских прав хозяйствующих субъектов, позволяет оперативно добиваться устранения нарушений антимонопольного законодательства, отвечает критерию определенности правовых норм и, устанавливая контрольные полномочия антимонопольных органов, реализуемые в рамках административных процедур, не наделяет их функциями органов судебной власти, не умаляет самостоятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и не противоречит принципу осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2012 № 630-О*).

Для выявления признаков нарушений антимонопольного законодательства, проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарных рынках, осуществления контроля за экономической концентрацией Закон о защите конкуренции наделяет антимонопольный орган рядом полномочий, в частности правом направления субъектам экономической деятельности предписаний с запросами о представлении необходимых документов и информации (пункт 11 части 1 статьи 23 названного Закона).

В силу части 1 статьи 25 Закона о защите конкуренции праву антимонопольного органа на получение информации корреспондирует обязанность указанных лиц ее представить по требованию данного органа в соответствии с возложенными на него полномочиями. Однако это не означает произвольный характер действий должностных лиц антимонопольного органа по истребованию данных сведений. Такие действия в любом случае, как следует из оспариваемой нормы, прямо

ограничены пределами нормативно установленных полномочий органа государственной власти – они обуславливаются необходимостью осуществления возложенных на него задач и функций, а само требование о представлении сведений должно быть мотивированным.

При этом субъекты экономической деятельности в любом случае имеют возможность реализовать право на судебный контроль за действиями органов государственной власти, в том числе за действиями антимонопольных органов (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2014 № 2634-О*).